



Ю.А. Бараева

Кто ты?

16+

Юлия Алексеевна Бараева

Кто ты?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556107

SelfPub; 2021

Аннотация

В стремлении познать человеческую истину – натыкаешься на иллюзорные факты и выводы, погрывая себя в неведении. Его «грабли» становятся и твоими. Тогда возникает вопрос: стоит ли того то усердие в прерывании вашего удобства, и является ли комфорт тем самым «комфортом» без познания? Здесь вы, ваша душа и ваша Вселенная. Здесь мир, окружающий вас. Здесь жизнь ваша и чужая. Здесь повелевает человек. Здесь его законы и порядки. Здесь внутренние качества противодействуют внешнему воздействию. Здесь искренность граничит с предательством. Здесь любовь измеряется временем. Здесь счастье и несчастье. Здесь вы, что важно и не важно. Если готовы, то запаситесь воздухом. Нырять придется глубоко.

Содержание

I	5
II	7
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Бараева

Кто ты?

В стремлении познать человеческую истину – натыкаешься на иллюзорные факты и выводы, погребая себя в неведении. Его «грабли» становятся и твоими. Тогда возникает вопрос: стоит ли того то усердие в прерывании вашего удобства, и является ли комфорт тем самым «комфортом» без познания?

I

Ее звали Шеми. Родившись в семье бедняков, ее постулатом являлась та же бедность, в которой пребывал весь ее род.

– Брось ее, она лишит нас остатков хлёбова! – вторили родимым об избавлении.

Но в глубинах души истинная женщина возводила песнь веры в матери дитя. Она уповала, что придет чудо, и ее дочь сможет окликнуть всех невежд и неверующих тем, что есть сила, она поселена в нас самих.

Спустя четыре года, их, почти вымершее от голода племя, посетил шаман Эсмус со своими учениками. Его взору предстали сухие, на свет пронизывающие лучами солнца тела.

– Я дам вам яство, но взамен хочу получить от вас по ребенку до пяти годов исполнения, – сказал Эсмус.

Недолго думая, без какой-либо жалости в мыслях и глазах, они побросали своих детей к ногам его, чтобы только насытить свои жадные желудки.

– Что же, – с мрачной улыбкой заметил он, – раз готовность отдать кровных чад за яства явилось такой простой задачей – получайте.

Ученики свернули им шеи, бросив обратно матерям.

– Это ваше яство! – кликнул он с долей презрения.

Горе окатило матерей, стали рыдать они, захлебываясь в

слезах:

–Что Вы сделали? Это наши дети, а Вы, Вы убили их!

И снова крики, горечь слез чувствовалась на губах, а смрад от пота разносился по всему племени. Они никогда не видели такой жестокости, да что там не видели, даже не слышали, ведь привыкли провожать в новую жизнь того, кто смерти достался уже мертвецом.

– Очнитесь, упавшие, это вы отдали их мне, значит ли, что они перестали быть нужными? – уже с равнодушием спрашивает Эсмус. – Пытаясь набить свои желудки, вы забыли о любви. Да что там о любви, забыли о главном – кровной части себя. Я лишь помог понять это. И если ваши думы посещает обречение, то век вам быть обреченными, – закончил шаман и ушел. Вопли боли так и доносились до его ушей.

II

Идя по обломкам домов, я снова вспоминаю, как двадцать лет назад выглядывала из-за плеча матери и видела, как моих заблудших близких топило горе.

– Шемеи, дочь моя, – окликнула матушка, – ты ли это? Как давно тебя не было в наших краях.

Она обняла меня, наспех вытирая подолом платья руки, грязные от готовки.

– Родная, не плачь, я здесь, я снова с тобой, – мягко обнимаю ее в ответ.

Ничего не изменилось в ее безупречном лице, быть может, выпало несколько зубов, и небольшой слой морщин покрыл уголки ее глаз и губ. Моя матушка была самой сильной женщиной из тех, что я встречала на пути, она свято верила в жизнь и тропу исцеления. Ее черные, как уголь глаза переливались отголосками любви и добра. В тот злополучный день она сделала смелый до тягучей, обжигающей влаги в сердце поступок, спрятав меня в сумку за спиной, шепнула: «Я никому тебя не отдам, жизнь моя».

Меня посадили за стол, в ожидании отца. Матушка не переставала спрашивать обо мне. А я все думала, как обернулась судьба заблудших невежд. Стали ли они сильнее или погрязли в мрачном бытии.

– Что случилось с тетушкой Саджирой? Она все так же

ищет порцию яда и просит помощи у тебя? – поинтересовалась я, в надежде услышать, что она, наконец, пришла к пониманию истока ее потерь.

Умм долго молчала и не двигалась, глаза были покрыты пеленой, а тело будто парализовало, ее окатили воспоминания.

– Эй, иссохшая, а ну, поди сюда! Твой вор снова залез к нам в дом. Ахом его отколотил, видно будет знать, как посягать на чужое! – с усмешкой выхожу к ней навстречу.

Саджира поднимает свой кулак в угрожающем взмахе.

Горестно, волей стояла, дабы не вышвырнуть ее так же, как и ее воришку. Но каждый имеет отведенную дорогу, мне ли ее прерывать? Только ему подвластна та тропа, которую он будет прокладывать, либо стаптывать. А мы, мы не имеем человеческого права разрушать то, что возводит другой.

– Умм, дорогая, прости, прости меня и моего мужа! Я всеми силами пытаюсь отказаться от новой капли яда, но мои глаза пленит дымная оболочка, а следом – темнота, будто бы мной что-то управляет. В последнее время тело стало покрываться гнойниками, а левая рука перестала двигаться, – ее опухшие от слез глаза приобрели огненный оттенок. – Моей малышке скоро три года, она не перестает плакать каждый день и совсем ничего не ест. Ее визг бурлит в Ахоме злость, он уходит, а по возвращению привязывает мои руки и ноги к дереву, начиная бить, пока из открытых ран не пойдет кровь.

Помоги мне, я прошу тебя! – прорыдала Саджира и упала к моим ногам.

Заблудшие, жаль их. Как помочь, казалось бы, столь неизбежному окончанию жизни? Будет ли этот люд наполнен чем-то хорошим? Ответы находятся в духе каждого. Во всяком случае, к сумрачной жизни их привел внутренний мрак. С ними он и остался. Положит в яму каждого. В яму полной грязи, куда любой затхлый прохожий не хотел бы заглянуть.

Мой зрак был направлен на глубину этой, еще не утерянной смысла к жизни женщины. Она рассыпалась снаружи, но в ней была надежда, которая взывала о помощи.

Пригласила в дом, она неспешными шагами, издавая звуки умирающего зверя, добралась до стула, на который плюхнулась с такой силой и грохотом, будто бы никогда больше не сможет идти. Ее раны источали черные выделения. Довели до этого ядовитые примеси и частые издевательства мужа. Раны не успевали заживать, как появлялись новые. Жадно схватив ртом воздух, чтобы только не чувствовать это специфической вони, я принялась их обрабатывать.

После обработки и перевязки, по привычным уже нам действиям, я завернула ей кувшин с водой, корку хлеба, и на прощание сказала:

– Твоя путаная жизнь лишит жизни твое чадо, напomini себе в век: это все, что у тебя есть. А теперь ступай туда, куда будет вести сердце, оно покажет дорогу.

Быть может, слово так исцеляет, или ее потаенная надеж-

да направила на путь истинный, но Саджира спустя время полностью отказалась от новых порций смеси, а следом ушла от мужа, который долго приходил и твердил так же, как и во время причиняемой им боли она:

– Не надо, мне больно, остановись!

Обесцениваем обретенное, ценим утерянное. Какой бесполезный закон жизни многих людей.

Дочь выросла, а мать наполняла ее той любовью, которой не могла поделиться ранее. Теперь, приходя в их дом, можно было слышать топот босых ножек и звонкие возгласы о том, как удивителен мир. Вопреки тому, что Сиди отставала в развитии, она была одарена лучезарной улыбкой и немислимой красотой, наполняя теплом каждого пришедшего в гости проходимца. Саджира ушла из жизни, но выполнила обещанное ею когда-то слово: «Я стану своей милой девочке светом, чтобы освещать неизвестную ей дорогу».

Бормоча себе под нос, окончание столь дивной истории, она вернулась в реальный мир.

Вовремя открыть свой взор и сделать верный шаг перед пропастью порой бывает самой непростой задачей.

В проходе появился отец, он подбежал, радостно подхватив меня в свои сильные руки, крепко прижал к себе и начал подпрыгивать, кружась, будто маленькому ребенку дали что-то, о чем он так давно мечтал. Его глаза сияли счастьем, а на лбу появились морщины от того, что он не смог рассчитать

свои силы и мой вес, который прибавлялся с возрастом.

Мой старый, добрый отец, ты так и не поменял свою прическу, оставив густые кудри. Лишь легкая седина покрыла их, – вдруг подумала я. – Улыбка твоя мне часто снилась. Ты не дарил ее просто так и всегда пытался скрыть, будто утверждая статус сурового хозяина дома. Но в моменты, когда ты не замечал, как на твоём лице расплывается искренняя улыбка, ты становился самым красивым отцом и мужем.

– Дочь моя, расскажи, как добралась в этот раз? Говорят, будут делать широкую дорогу к нашему племени, чтобы удобнее было передавать урожай? – спросил он.

– Нашли рабов и диву давятся от того, что те работать не хотят за воду и харч. В конечном счете, можно же кнутом, по нравам старых времен. Оттого и дело стоит, оттоль и люд озлоблен! – сорвавшись голосом в конце, я вскочила и отошла к окну, в надежде скрыть свои покрасневшие от накалившей злобы глаза.

Умм нежно коснулась моего плеча:

– Милая, откуда столько гневного раздражения? Разве так я учила распоряжаться эмоциями? Разве в то направление ты освобождаешь их? Зачем разорять свой внутренний запас на столь бездушных людей. Они – власть. Ими движет безнаказанность. Человеком движет то, что он может себе позволить, так не позволяй себе моральную нечистоплотность.

Мое тело, наконец, расслабилось, а плечи опустились от усталости, видимо, долгий путь и разговоры утомили меня.

Покинув родителей, я двигалась в направлении своей старой комнаты, где все оставалось таким же родным для меня. Засыпая, я думала лишь о том, что в ближайшие дни мне придется быть куда откровеннее, разве что, отыскать глубоко потаенный замок, ключ которого начинает разрушаться.

Ои и Умм еще долго беседовали за столом. Отца беспокоил мой пылкий нрав:

– С каких пор Шеми стала такой взволнованной, прошло всего лишь пару лет с нашей последней встречи? Пусть дорога к нашему племени занимала несколько дней и ночей, но та легкость, в которой она прибывала ранее по приезду, куда-то исчезла.

– Дорогой, ее организм растет, как цветок, переживая благоденствие и невзгоды. Порой случается сильный дождь и бьет о лепестки рассудка с такой силой, что срывает их, или же солнце опалает неприкрытый стебель воли и иссушает его, а бывает так, что дует сильный ветер, насквозь пронизывая своим дыханием, листья души, – в попытке успокоить сердечного отозвалась Умм. – Быть может, она пригласит нас в волнительные уголки своего мира.

III

– Доброе утро, дочь моя, куда собралась с рассветом? – однозвучно спросили родные.

Борясь с искушением выдумать что-то, что напугало бы их, я поцеловала родные щеки и выбежала за порог дома, оставив вопрос без ответа. Мое сердце билось в унисон с природой, звери и птицы только начинали пробуждаться. Какое интересное замечание: я – словно зверь, выбираюсь из чащи в поисках смысла, что могу обрести.

Добежав, наконец, до места, где моя душа достигала просветления, я сбавила темп и прикоснулась к одиноко стоящему дереву. Это дерево было «Древом Веры». Когда-то ближний показал мне его, и с тех пор я чувствую себя единой рядом с этим, высоко уходящим в небо, деревом. Мой взгляд обратился к дому восходящего солнца, я почувствовала, как мое тело наполняется теплом от ярких огней дневного светила, а в глубине души развязывался ком переживаний. Они отступали куда-то за меня, туда, куда я больше никогда не вернусь. Назад пути нет, как нет и того, что остается позади. Как сладостно иметь место, которое может восполнить запас жизненных сил.

Почему, находясь в окружении бесчисленного количества людей, вдруг начинаешь чувствовать себя совершенно одиноким? Кажется, первопричина одиночества в чувстве разь-

единения себя, точнее, нецелостности, или от того, что человек не осознает, что его бытие является совершенным. Может, дробление причины неуместно, но действительность без сомнения и нахождения нового, явного, кажется такой утопической. Эти созданные воображением зарисовки о счастливом будущем, становятся импульсом в свершении, казалось бы, ярчайших поступков. Реалия нагоняет, хлопая по выставленной тобой уже заранее ладони, передавая посыл, и вот, ты прибавляешь темп, осталось пару шагов до «вхождения», но кем-то случайно выставленная нога, или, быть может, твоя собственная, оказывается той самой случайностью или же трудностью, что сбивает с пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.